

ОЛЬГА ОЗАРОВСКАЯ

МАХОНЬКА

В 1915 году

Старая нищенка, Марья Дмитриевна Кривополенова, так сердечно угощала меня теплыми, только что поданными в городе шанежками (шаньга — лепешка), что я незаметно для себя съела заветные три куска.

И вышло счастье. Для нас обеих.

Нельзя было не полюбить бабушку с первой встречи. А когда рассыпала она передо мной и моими спутниками свой старинный словесный жемчуг, ясно увидели мы, что перед нами настоящая артистка.

— Бабушка, поедем в Москву?

— Поедем!

Храбрая, как артист! Односельчане руками всплескивали:

— Куда ты, бабка? Ведь помрешь?

— А не велико у бабушки и костьё, найдется ле где место его закопать!

И поехала бабушка со мной в Москву. А в Москве не одной мне, а многим тысячам показала, какая она артистка.

Маленькая, сухонькая — а дыханье, как у заправского певца!

Три зуба во рту — а произношение четкое на диво!

72 года, а огня, жизни на зависть молодым!

И не поразили ее чудеса большого города. Трамваи, автомобили, магазины с невиданными товарами — все это скользнуло, не задев души лесной бабушки. Но ее артистическая душа жадно впитала в себя тот дух старины, которым веет от Москвы для всякого художника. Бабушка здесь в Москве получила оправдание своим песням, и по той огромной радости, с которой она говорила об этом, можно заключить, как дороги были ей ее песни.

Подумайте: всю жизнь пела о каменной Москве, об Иване Грозном, о Марье Демрюковне,— и здесь все нашлось:

— Уж, правда, каменная Москва: дома каменны, земля каменна... Ивана Грозного своими глазами видела (т. е. портрет), знаю уж, что не враха, а был же, бывало!

Ехать в Замоскворечье — значит, ехать к Скарлютке (к дому Малюты Скуратова); Каменный мост — стал «калиновым мостом»...

Но и сама Москва ответила любовью на бабушкину радость. Все, кто бывал на ее выступлениях, помнят то умилительное восхищение, с каким толпа смотрела на бабушку.

В Петрограде, где бабушка провела две недели, был такой же прием. В газетах о ней писали восторженные, огромные статьи.

Обе столицы обеспечили бабушке старость, и бабушка уехала на родину, после трехмесячного пребывания здесь, осыпанная подарками, богатая и напоенная славой и радостью.

А в Архангельске газеты «чили» купцы именитые, в кою пору старушку бездомную на кухне пригревали, теперь хвалятся знакомством, ждут бабушку Кривополенову: на вокзал через двинский лед сани парные выслали...

— Ах, недаром сердце на родину рвалось. Почет-то, почет какой! Губернатор за ручку поздоровался и чай пить к себе в гости пригласил.

На вечере бабушка сама про свои былины лекцию прочитала (наслушалась в Москве, навострилась), к общему восторгу своих почитателей. Родственники объявились. Какой-

то племянничек стал «тетой» называть. Как довелся племянником, не поняла, а одеяльшко байковое пришлось подарить. Скоро бабушка промотает свое богатство, да что сравнится с великой радостью давать того, кто всю жизнь просил!

Распростиившись с Архангельском, покатила бабушка по зимним путям вверх по Двине и Пинеге «с провожатым и с колоколом», — губернатор уж такую «гумагу» дал: ехать бабушке как чиновнику.

В городе Пинеге хозяинка того домика, где бабушка с «московкой» встретилась, с наказом строгим ждала бабушкины деньги в банк положить. Банковские чиновники просят бабушку былины спеть, а бабушка вдруг возгордилась: «Как сиротиной ходила-пела — не слушали, а как деньги вкладываю, — любопытно стало. Недосуг петь, домой попадать надо». Так и не спела; пристыдила чиновников и укатила дальше в верховье.

А дома-то! Вся деревня скопилась 20 сарафанов внутичных смотреть; бабушка направо, налево дарит, деньги взаймы дает.

Пошли разговоры, как лучше бабушкину старость приподнять; соседи предлагают полдома у них купить, с внучатами уйти от зятя, зять предлагает верх для бабушки срубить, у него жить, если бабушка коня ему купит. Что лучше — неизвестно, а поговорить обо всем приятно.

И никто бабушке не завидует, все рады за нее, никто никогда на нее обиды не держал.

В 1916 году

Почетно и сладко жить дома, а старины петь и видеть восторг толпы еще слаще. И бабушка написала в Москву, что, если «надомно», так она и сама прикатит. И прикатила великим постом в Москву. И покатилась полунощная бабушка на полдень на Украину, на Кавказ.

Как-то там воспримут северную старину? Приняли по-хорошему, по- теплому, по-солнечному.

Проведали харьковские гимназисты, что бабушка до сладеньского охотница, и поднесли ей полпуда конфет, на улицу высыпали провожать, трамваи остановили, шапками закидали. В Епархиальном училище поповны в такое буйство пришли, что бабушку на стул посадили и над головами, через все закоулки и переходы, по всему зданию пронесли.

Бабушка потом обобщала: «В Харькови ни на лошадях не ездила, ни ногами не хаживала: носком носили».

В Екатеринодаре, в скромной комнатке, несколько человек после бабушкиного выступления за самоварчиком застались. Земляк бабушкин отыскался, жадно слушает потрясающую горькую повесть бабушкиной молодости.

Земляк в золотых очках.

Много страданий принял Махбилька за свой малый рост, надрывалась за работой, чтоб бессильем не укоряли; замуж выйти не надеялась. А вот взял же.

Хоть бедна, бедна, а приданое себе справила: полны «яшички окованные» самодельного да самотканого. Муж от венца молодку в Вологодскую губернию на заработки увез, а через год бросил без копеечки. Надо домой за 700 верст пешой попадать с младенцем у груди. Думалось, гадалось, желалось с мужем жить в совете да любви, а пришлось позор какой принять. Только бы домой добраться, там тихо, покину с ребенком заживу: в доме хозяйство заведено. Пришла — сердце захолонуло: в доме оконницы вынуты, сундуки взломаны, — злодей раньше поспел, все пропил. Дыра, а не дом. И пошло, и пошло...

А поутру в бабушкиной комнате застаю: земляк в золотых очках к бабушкиной груди припал и всхлипывает: рассказал, как любимая над его молодостью надругалась, а бабушка голову гладит, утешает, как малого. Земляк бабушкиному внуку серебряные часы послал. Бабушка слезы его по сию пору пуще часов помнит.

В Пинеге расстались мы с бабушкой. Два месяца уж не видимся. С Ильина дня дожди пошли, и две недели лют без перерыва, словно второй потоп начинается.

М. Д. Кривополенова.

Вдруг дверь распахивается, и бабушка мокрешенька, как из воды вылезла, а под мышкой труба картонная, вот и весь багаж.

— Вот и бабушка! И с медалью!

Из трубы вытряхивается на стол медаль, а потом диплом выцарапывается.

«От Императорского Географического общества за полезные научные труды».

Как пришла эдакая посылка — трубка из Петербурга, и стала бабушка с трубой под мышкой к обедне ходить: «Грамотным гумагу показываю, а которых неграмотны, тем медаль».

(Позднее медаль затерялась, а на «гумаге» пирог испекли.)

Однажды после обедни услыхала, что мужик один срядился в Пинегу ехать, бабушка и села к нему в лодку, в чем была, без хлеба, и за трое суточек вымокла до ниточки.

Бабушка за мной приехала: надо рассудить, покупать или не покупать ей дом. Вода прибыла от дождей, и на дниах вверх пароход пойдет. Поехали.

В своей округе бабушка пользуется огромным почетом и весом, и я купаюсь в лучах ее славы. Теперь она меня взяла под свою опеку.

Хорошо бы бабушке своим домком зажить, но условия продажи неподходящие, да и своего хозяйства ей не поднять: внуки еще малосильны. Приходится оставаться у зятя. Если будет бережлива и расчетлива, если сумеет извлекать

выгоду из людских отношений, то проживет до гроба припеваючи.

Но можно ли ждать того от бабушки, от артистки, от широкой натуры!

«Проведет свое богасьво, обязательно проведет! Опять будет кусочки просить!» — твердят кругом.

Ну что же? Суждено жить и умереть нищенкой, а если ворвалась в ее жизнь великолепная странница роскоши и славы, то зачем печалиться, что нельзя удержать ее навеки?

Впрочем, отгости у бабушки, расставшись надежде, что если придется туда, то сможет к любому богатому москвичу в гости пожаловать на остаток дней. Примет и за честь сочетет.

Но русская история судила иное.

Осенью 17-го года бабушка приезжала на свиданье со мной в Пинегу, а в 18-м году нас разделил фронт.

А что же вышло из работы Коненкова?

Художник не ограничился портретным бюстом, а к Рождеству 16-го года вырезал из дерева чудесную «Вещую старушку» — М. Д. Кривополенову с узелком в руках, словно слушающую нездешние голоса.

И вот сама природа захотела вмешаться в сказку этой жизни и лишний раз показать, что она сама охотница до сказок и чудес.

На готовой уже скульптуре в мастерской художника выросли три великолепных гриба, победно и таинственно осенивших голову «вещей старушки»: два на темени и один на плече.

Сняв фотографию с этой сказки, художник срезал эти грибы и загипсовал их на память.

В 1921 году

Бабушке у зятя в Вологорах житья не стало. Высосали все средства у нее, и стала бабка не годна: ступай куда хошь!

Бабушка отправилась в свою природную волость.

Там фронт. Красные вот-вот придут. Бабушку за-ради Христа хозяйка в большой дом зовет ночевать: «Боюсь одна, тошненохонько!» — «А мужики твои где?» — «В погреби сидят, попрятались!» — «Да что они безумничают? Ведь найдут в погреби их, убьют!»

И пошла храбрая крохотная старушечка по деревне мужиков из погребов вытаскивать: «Хто убьет, как вы в своем доме? А из погреба вытащат, озлятся, убьют!»

Разгадала фронтовую психику. Красные пришли, никого не тронули в домах, а запрятавшихся арестовали.

Бабушка пошла к красному «начальству» былины петь. Красноармейцы кое-кто признали бабушку, начальник отряда знакомцем оказался, дал бабушке белую ковригу. Бабушка вечером походить собралась. «Не ходи, бабка, застрелят. Военное положенье!» — «Да кто в старуху стрелять будет? Ничего не боюсь, пойду!»

И пошла, белую ковригу арестованым отдала.

Красные, белые? С какой это стати Иван Семенов — красный, а Петр Семенов — белый, когда они для бабушки — Ваня да Петя — Семена дети.

Бабушка зимою 20-го года в чужом доме жила, с детьми водилась. Вдруг наехал незнамый человек, спросил, как и что, быльни прослушал, уехал, и после того пенсия пошла, паек, одежду выдали, а по весне красные телеграмма в исполнение получена: если бабушка согласна, пусть в Москву едет, и подпись наркомом А. Луначарским.

Старики знакомые умом пораскинули и смекнули: в Москве старые порядки хотят устанавливать и старых людей вызывают для совета: «поезжай, бабка, быват поможешь нащот старых порядков».

И поехала бабушка русское государство устраивать. Сказка продолжается. Опять бабушку кругом почет.

В Архангельске на вечере устроители на сарафан шелковый и на парчовую шубейку поднесли.

В Москву, правда, бабушка не для государственных дел, а для этнографов понадобилась, но бабушка живет в сказке.

И снова 78-летняя Золушка перед своим принцем — публикой в зале Московской консерватории, и принц рвется к ней, влюбленный.

Бабушка выступала со своими старинами в Москве, Петрограде, Твери, Саратове, Харькове, Ростове, Новочеркасске, Таганроге, Екатеринодаре (Краснодаре), Вологде, Архангельске для широкой публики 25 раз, в научных и литературных кругах 10 раз и до 100 раз для учащихся.

Как не растерялась старая нищенка перед лицом тысячной толпы?

Это тайна артистической власти. Пусть она неграмотная нищенка, а в первых рядах сидят знатные, богатые, ученые, но бабушка властвует над ними, потому что в эту минуту чувствует себя и богаче, и ученее всех слушателей. Она поет «Небылицу», эту пустую, забавную чепуху, и так властно приказывает всем дотягивать, что тысячная толпа, забыв свой возраст и положение, в это мгновение полна одним желанием: угодить лесной старушонке. Обаяние ее личности, твердой, светлой и радостной, выкованной дивным севером, отражается в ее исполнении, и так понятен возглас толпы, одинаковый во всех городах: «Спасибо, бабушка!» Так понятно желание тысячи человек пожать старую, сморщенную руку, всю жизнь горестно протягивавшуюся за подаянием, пожать с чувством любви и уважения к бабушке как к образу нашего народа.

1922 г.

Публикация ВИКТОРА КАЛУГИНА

М. Д. Кривополенова. 1921 г.
Последняя фотография.